

Доктор Дэйв Мэтьюсон, Герменевтика, Лекция 8, Гадамер и Бульманн

© 2024 Дэйв Мэтьюсон и Тед Хильдебрандт

На последнем занятии мы обсуждали некоторые влияния на герменевтику и интерпретацию, рассматривая нескольких людей периода Просвещения, от Фрэнсиса Бэкона до Шлейермахера, и их вклад в герменевтику и их вклад в мышление. Мы увидели, что большая часть наших размышлений о герменевтике находится под влиянием не только библейских толкователей, но и, в более широком смысле, просто методов мышления и размышлений о понимании и познании в более общем смысле. И мы рассмотрели наследие некоторых из этих людей и их вклад даже в современную герменевтику, даже в библейские исследования.

Что я хочу сделать, так это перескочить в 20-й век и изучить некоторые из 20-го и, возможно, даже 21-го века, но изучить несколько людей, которые повлияли на наше понимание герменевтики. И первый — это человек, который, возможно, больше, чем кто-либо другой, оказал влияние на наше понимание некоторых интерпретаций в герменевтике. Этим человеком был немецкий философ по имени Ганс- Гург Гадамер, живший с 1900 по 2002 год.

Интересно, когда послушаешь даты этих мыслителей, как долго жило большинство из них. Я думаю, урок состоит в том, чтобы стать герменевтическим мыслителем или философом, и вам гарантирована долгая жизнь. Очевидно, что это, вероятно, неправда, но интересно, сколько из них дожили до 80 и даже 90 лет, а в случае Ганса- Гурга Гадамера даже дольше.

Но этот немецкий философ Гадамер представил то, что часто называют новой герменевтикой. А самой известной работой Гадамера, в которой была

сформулирована его позиция, была работа, переведенная на английский язык, под названием «Истина и метод». И в этой книге Гадамер развил свое понимание философской герменевтики.

Иногда вы услышите этот термин «философская герменевтика». Часто считают, что это восходит к работе Гадамера «Истина и метод» и развитию его понимания герменевтики. Гадамер также реагировал на научный метод и стремление к познанию объективной истины посредством человеческого рассуждения и рационального мышления.

И он сказал, что понимание — это нечто гораздо большее, чем просто объективная истина, достигнутая посредством научных экспериментов. Вместо этого Гадамер реагирует на предыдущие попытки рассматривать понимание просто как результат научной техники и научного метода или рассматривать герменевтику с точки зрения субъекта, интерпретирующего субъекта, который для наших целей доминирует над объектом библейского текста. Субъект, который доминирует над объектом, так что субъект овладевает им и анализирует его, чтобы овладеть им.

И именно на это как бы реагирует Гадамер. Также важно добавить, что для Гадамера, герменевтики, мы начинаем понимать, что герменевтика – это не просто понимание текстов, но для него это под и для нас библейский текст, а для него это понимание жизни. Герменевтика для него охватывает всю жизнь.

Это междисциплинарный подход, и мы увидим, что некоторые из этих мыслителей начинают им становиться. Таким образом, по его мнению, мы не доминируем над текстом, но, по мнению Гадамера, он доминирует и над нами. И он сделал то, сказал Гадамер, что мы настолько запутались и запутались в мире, в котором живем, что всякий раз, когда мы пытаемся понять что-то, когда

бы мы ни пытались прийти к пониманию чего-то другого, наши интересы, наши убеждения, наша ситуация в жизни, наши предубеждения, предрасположенности — все это влияет на наше понимание.

Но он также утверждал, что в некотором смысле они также необходимы. И в отличие от Локка, Джон Локк утверждал, что мы можем подойти к чему-то с чистого листа, ожидающего, чтобы на него написали чувственные впечатления из внешнего мира. Гадамер сказал: «Нет, мы настолько запутались в нашей культуре, нашем окружении, мы настолько запутались в нашем собственном понимании, наших предрасположенностях, наших предубеждениях, что они обязательно влияют на то, как мы смотрим на вещи.

Но это было хорошо, потому что это необходимо, если мы вообще хотим что-то понять. Опять же, если у человека нет пустого ума, как мы вообще сможем что-то понять? Без категорий понимания, без предшествующего понимания, как мы можем надеяться уловить или понять что-либо? Так что для Гадамера было необходимо предварительное понимание и тот факт, что мы запутались в этом мире со своими интересами, своими убеждениями, своей собственной ситуацией в жизни. Поэтому не существует такой вещи, как объективный, нейтральный наблюдатель или интерпретатор.

Мы не воспринимаем вещи как сторонние наблюдатели. Я наблюдаю это, овладеваю этим и понимаю чисто объективно не как какой-то изолированный, сторонний наблюдатель, субъект. Вместо этого мое понимание этого окрашено моими собственными интересами, моими собственными убеждениями, моими предрасположенностями и предпосылками, моими собственными предубеждениями.

Все это влияет на то, как я это понимаю. Но опять же, для Гадамера это хорошо, а не обязательно отрицательно. Поэтому вместо того, чтобы понимать что-то как нейтральный, отстраненный наблюдатель, процесс понимания для Гадамера был гораздо более динамичным.

И как он понимал свое решение герменевтики и свое решение того факта, что мы приходим к тексту со всеми нашими предубеждениями и предпосылками, нашими интересами и нашими убеждениями, решение этого состоит в том, что мы фактически вступаем в диалог с самим текстом. Мы вступаем в разговор с тем, что пытаемся понять. Итак, мы приносим весь наш багаж, весь наш опыт и наши предположения к объекту, который пытаемся понять, но вступаем с ним в диалог.

Мы вступаем в разговор с тем, что пытаемся понять. Таким образом, процесс интерпретации гораздо более динамичен, чем просто какой-то объективный наблюдатель, сидящий сложа руки и впитывающий данные. Затем Гадамер, в свете своего понимания герменевтики как своего рода разговора или диалога с тем, что человек пытается понять, Гадамер отстаивал идею слияния горизонтов.

И это одна из вещей, которыми он хорошо известен. Тот факт, что переводчик приходит к тексту или к чему-то, что нужно понять, переводчик исходит из своей собственной ситуации. Они начинают со своих собственных предположений, своих предпосылок, своих убеждений.

И они приходят, начинают с предположения о том, что они ожидают найти в тексте. А затем они вступают в диалог с текстом, своего рода взаимный обмен с текстом. Чтобы их ожидания относительно того, что они надеются найти в тексте, могли быть подтверждены или их, возможно, необходимо изменить.

Их ожидания могут быть нарушены. В свою очередь, затем текст, и снова Гадамер понимает его как своего рода диалог туда-сюда . И так , я прихожу со своим пониманием, со своим прошлым, со своим предположением о том, что я надеюсь найти.

И я нахожу эти предположения подтвержденными или опровергнутыми в тексте, например, прочитав текст. В свою очередь, сам текст ставит под сомнение интерпретатора. Текст, и когда я читаю текст, он начинает расширять мое понимание.

Он начинает увеличивать то, что я ожидаю найти. А затем основное внимание уделяется пересмотру наших предположений и вопросов, которые мы задаем по тексту. И так, я снова подхожу к тексту, приношу свои вопросы, свои предположения, а затем сам текст оспаривает или подтверждает их и заставляет меня пересмотреть свое понимание, те вопросы, которые я задаю к тексту.

Таким образом, цель Гадамера состоит в том, чтобы достичь того, что он назвал слиянием горизонтов. Кругозор текста и кругозор интерпретатора сводятся как бы к обоюдному согласию, взаимопониманию, общему пониманию между текстом и интерпретатором. Таким образом , расширяя горизонты своего мышления, я также расширяю горизонты текста, исходя из своей ситуации и своей исторической перспективы.

Точно так же текст расширяет мой кругозор и понимание мира и перспективы. Это открывает что-то новое. Это открывает нечто сложное для моего понимания.

Но важно понимать, однако, что для Гадамера это не означало, что результатом этого процесса каким-то образом была правильная окончательная интерпретация текста или конкретное единственное правильное значение, исходящее из текста. Скорее, в результате просто открылись возможности, расширив горизонты обоих, и они пришли к своего рода взаимным отношениям. Так что Гадамер не совсем говорит о том, что каким-то образом горизонты сливаются в правильный смысл, правильное понимание истинного смысла текста.

Итак, что касается Гадамера, он отстаивал то, что можно было бы назвать своего рода герменевтикой диалога, опять же, когда интерпретатор вступает в диалог с текстом. Таким образом, один из способов оценить вклад Гадамера — это рассмотреть как вклад в герменевтику, так и некоторые вопросы, которые поднимает его подход. Так, например, что касается вклада, я думаю, Гадамер еще раз остро напомнил нам, что не существует такой вещи, как объективный, нейтральный наблюдатель и интерпретатор, что каким-то образом мы можем подойти к библейскому тексту совершенно беспристрастно, не подвергаясь влиянию со стороны наше происхождение и наши богословские убеждения, наша культура, наши взгляды и т. д.

Никто не может подойти к тексту как нейтральный наблюдатель. Но эти вещи неизбежно отражают, а иногда и мешают нашему пониманию текста. Не существует чисто индуктивного подхода к тексту, когда мы просто впитываем данные и наблюдаем что-то нейтральным образом.

Но вместо этого на нас влияет то, что мы привносим в текст. Это обязательно изменит то, как мы на это смотрим. И я думаю, что в некотором смысле это неизбежно и необходимо.

Как мы можем надеяться понять что-то, например, текст, если у нас нет никаких предварительных знаний, если у нас нет никакого предшествующего опыта, если у нас нет никаких предварительных категорий, которые помогли бы нам это воспринять. Таким образом, один из вкладов Гадамера заключался в том, чтобы еще больше отвлечь наше внимание от мифического, нейтрального, совершенно нейтрального, непредвзятого наблюдателя, который просто ждет, чтобы впитать данные и осмыслить их объективным, нейтральным способом. Во-вторых, Гадамер услужливо подчеркнул, что интерпретация в некоторых отношениях представляет собой диалог.

Интерпретация – это диалог, который позволяет нам бросать вызов. Это позволяет бросить вызов нашим предвзятым представлениям. Это позволяет бросить вызов нашим собственным горизонтам и нашему собственному пониманию и изменить их.

Так что это значение часто удивляет. Смысл часто тогда бросает вызов нашему собственному пониманию и предварительным пониманиям, которые мы привносим в текст. Опять же, Гадамер не зашел так далеко, чтобы сказать, что каким-то образом текст имеет приоритет и интерпретатор может прийти к правильному значению текста.

Но в то же время я думаю, что он помогает подчеркнуть диалогическую природу интерпретации. Не только я, как объективный наблюдатель, обретаю власть над объектом. Но вместо этого мы приходим к тексту со своими вопросами и предположениями и тем, что мы ожидаем найти.

И текст также бросает вызов этому и может опровергнуть это, может бросить вызов и изменить это. Поэтому иногда смысл удивляет и бросает вызов нашим предвзятым представлениям о том, что мы собираемся найти в тексте. В связи с

этим, я думаю, третий вклад заключается в том, что интерпретация – это не разовое мероприятие.

Иногда это непрерывный процесс, который часто открывает новые идеи. Мы не интерпретируем текст. Я не открываю 31-ю главу Библии Иеремии, не читаю ее и не прихожу к правильному смыслу, и все готово.

И больше нечего делать. Никакой интерпретации больше не будет. Но вместо этого Гадамер напоминает нам, что иногда интерпретация — это не разовое событие, а часто продолжающееся и продолжающее открывать новое понимание текста, поскольку текст бросает вызов нашему пониманию.

Но в то же время герменевтический подход Гадамера вызывает некоторые вопросы. Например, два вопроса, на которые я, опять же, не надеюсь ответить прямо сейчас, а просто подниму мысли Гадамера. Во-первых, есть ли пределы понимания? Когда я вступаю в диалог с текстом, есть ли пределы моего понимания текста? Даже когда вы говорите о слиянии горизонтов, есть ли пределы тому, как эти горизонты сливаются? Есть ли ограничения на то, как я понимаю другой текст? И во-вторых, является ли диалог порочным кругом? Я имею в виду, является ли диалог чем-то, что просто идет вперед и назад, идет вперед и назад и продолжается? Например, некоторые даже поднимали вопрос: как я узнаю, что прихожу к тексту с моим предварительным пониманием и моими собственными предубеждениями и предположениями о том, что я собираюсь найти, как я узнаю, что когда текст говорит в ответ? для меня, когда текст бросает мне вызов, как я узнаю, что понимаю это правильно, если на меня уже влияют мое прошлое и мои предубеждения? Так, например, учитывая вклад Гадамера, когда я читаю библейский текст, опять же, если я решу прочитать одну из притч Иисуса, например, или если я решу прочитать одно из писем Павла, текст может затем бросить вызов мой собственный,

например, библейский текст может бросить вызов моим собственным предвзятым представлениям об индивидуализме.

Я мог бы подойти к библейскому тексту с очень индивидуалистической точки зрения, особенно в 21 веке, как американец среднего класса 21 века, я мог бы подойти к тексту со своими индивидуалистическими предположениями и попытаться понять текст с этой точки зрения. Но тогда текст может бросить вызов моим собственным предвзятым представлениям. Это может расстроить меня как читателя, потому что сейчас я нахожу что-то, что бросает вызов моим убеждениям.

И, по крайней мере, как христианин, я надеюсь, что тогда я позволю тексту как Слову Божьему опрокинуть это и бросить вызов этому и привести мой кругозор, мою точку зрения и мое понимание в соответствие с библейским текстом. Один пример в моей собственной интерпретации, который может или не может точно отражать то, что происходит с подходом Гадамера, но долгое время я читал такой текст, как глава 5 и стих 18 Послания к Ефессянам. Я читаю это с чисто индивидуалистической, личной, пиетистской точки зрения. .

Когда автор говорит: не упивайтесь вином, которое ведет к разврату, а исполняйтесь Духом. Я был склонен читать это с чисто индивидуалистической точки зрения. Речь шла об индивидуальном христианине, где Дух Божий наполнил меня и, следовательно, создал остальную часть текста, создав те характеристики, которые, по мнению Павла, еще больше указывают на жизнь, которая контролируется или наполнена Святым Духом.

Итак, я прочитал это в личных, пиетистских, индивидуалистических терминах, что Дух Бога наполнит меня как личность и создаст ту жизнь, которую Он хотел. Однако, прочитав этот текст еще раз в более широком контексте Послания к

Ефесеянам, я задался вопросом, не слишком ли узка моя точка зрения. И я начал учитывать тот факт, что, возможно, перспектива главы 5, стиха 18 Послания к Ефесеянам является более коллективной и общинной.

Так что повеление исполниться Духом – это повеление всей общине, церкви быть храмом Божиим, где обитает Бог и присутствует с Ним через Своего Святого Духа. Таким образом, хотя это и не обязательно исключает индивидуальный опыт и индивидуальное наполнение, с другой стороны, акцент Павла может быть гораздо более коллективным. Что он представляет всю церковь, все тело Христово, всю корпоративную общину местом Божьего наполнения, рассматривая всю общину как храм, который Бог наполнит.

Божье присутствие будет среди Его народа. И так, опять же, библейский текст может бросать вызов нашим предвзятым представлениям и заставлять нас чувствовать себя некомфортно и видеть что-то удивительное, что бросает вызов тому, что, как мы думали, мы найдем в библейском тексте. Это подводит меня к другому человеку, который оказал влияние на герменевтику, хотя и в некоторой степени, хотя, вероятно, в большей степени в своем более широком богословском и библейском понимании Нового Завета.

Но следующий человек, о котором я хочу поговорить, — это Рудольф Бультманн, еще один немецкий ученый и, в частности, немецкий исследователь Нового Завета, живший с 1884 по 1976 год. Рудольф Бультманн был немецким ученым, которого часто связывают с тем, что известно как экзистенциальная герменевтика. И опять же, я не хочу говорить, тратить много времени на разговоры о Бультмане.

Но в некотором смысле Бультман также внес свой вклад в наше понимание герменевтики. Бультман более известен как автор одной из важнейших книг

автора — «Истории синоптической традиции», где он изложил свои взгляды на синоптические евангелия в отношении историчности и то, как он понимал развитие евангелия. традиция. Рудольф Бультман, вероятно, является одним из самых важных толкователей Нового Завета в 20 веке как в Европе, так и в Северной Америке.

Его влияние, как через учеников, так и через его сочинения и размышления, до сих пор широко ощущается. Он также известен тем, что написал богословие Нового Завета, в котором развил свой подход к богословию Нового Завета с антропологической точки зрения. Но он также писал и внес свой вклад, как я уже сказал, в герменевтику.

И в его творчестве есть несколько важных особенностей, на которых мы хотим сосредоточиться. Прежде всего, подчеркивает ли Рудольф Бультман предпонимание? Подобно тому, что мы видели в работе Гадамера, Бультманн подчеркнул, что наше понимание библейского текста обусловлено нашим предварительным пониманием. Другими словами, не существует такого понятия, как объективно-нейтральный наблюдатель текста, а вместо этого, когда мы подходим к тексту, мы находимся под влиянием нашего предшествующего понимания.

Это было особенно ясно изложено в статье Бультмана, озаглавленной «Возможна ли пресуппозиционалистская экзегеза?» Попробуйте это на своей общине. Возможна ли пресуппозиционалистская экзегеза? И, конечно же, на этот вопрос Бультманн ответил нет. Второе, что, кажется, подчеркивает герменевтика Бультмана, это то, что герменевтика носит замкнутый характер.

Процесс понимания и интерпретации носит циклический характер. Мы начинаем с нашего предварительного понимания, опять же, очень похожего на

то, что мы находим у Гадамера. Мы начинаем с нашего предпонимания, которое либо подтверждается, либо отвергается, либо модифицируется в диалоге с текстом.

Итак, опять-таки, в некоторых отношениях Бульманн, сходный с Гадамером, понимал герменевтику как диалог между интерпретатором и текстом. Мы подходим к тексту с нашим предварительным пониманием, затем обнаруживаем, что текст его модифицирует, оспаривает или отвергает, и диалог продолжается. Третья особенность герменевтики Рудольфа Бульмана — экзистенциальная.

Опять же, Рудольфа Бульмана часто рассматривают и отождествляют с экзистенциальной герменевтикой. По мнению Бульмана, целью герменевтики является экзистенциальная встреча с текстом, и здесь обычно считается, что Бульман находится под влиянием экзистенциального мыслителя Мартина Хайдеггера, но он видел, что экзистенциальная встреча с текстом была главной целью интерпретации. Итак, можно было прочесть текст, и цель заключалась в том, чтобы быть открытым к тому, что этот текст говорит о возможностях подлинного человеческого существования.

Целью чтения текста тогда было ощутить призыв к решению и подлинному существованию. По этой причине герменевтику Бульмана можно охарактеризовать как экзистенциальную. Цель состоит в том, чтобы встретиться с текстом и призвать к решению и подлинному человеческому существованию.

Четвертая и последняя особенность герменевтики Бульмана, которую я упомяну, — это процесс демифологизации. То есть Бульман провел программу демифологизации текста Нового Завета. И для него это означало, что Библия, особенно Новый Завет, придерживалась устаревшего, донаучного взгляда на

мир, где существовали такие вещи, как демоны и ангелы, чудесные исцеления и воскрешения.

Но в современном мире мы уже не верим в такой мир. Мы больше не живем и не переживаем такого мира. Опять же, для него, снова почти Бультман снова оперирует этим различием между верой, религией и Богом и видит историю в сфере, а мир видит в сфере причины и следствия и науки, которая исключает все сверхъестественное.

Итак, если это так, то мы не переживаем ангелов, не переживаем воскрешений и чудесных вещей. Это было донаучное, устаревшее мировоззрение. Но в нашем научном и технологическом мире мы больше не сталкиваемся с такими вещами.

Так что же нам делать с Библией? Опять же, согласно Бультману, мы интерпретируем Новый Завет экзистенциально. И что нам нужно сделать, так это избавиться от всех мифов, связанных с этим устаревшим мировоззрением, в котором доминируют чудеса, воскресения, ангелы, демоны и тому подобное. Мы отбрасываем миф, чтобы понять истинное значение библейского текста.

Некоторые сравнивают это со снятием всей оболочки, пока не доберешься до ядра истины, что, по мнению Бультмана, было просто экзистенциальным призывом к подлинному существованию. Итак, опять же, например, когда кто-то читает в Евангелиях о воскресении Иисуса Христа, мы не должны понимать это как действительное буквальное воскресение Христа из мертвых. Опять же, это часть устаревшего мировоззрения, в котором мы больше не участвуем и не испытываем вместо этого, потому что таких вещей просто не происходит.

Но сейчас мы читаем рассказ о воскресении как о снятии мифической оболочки. Суть в том, что это просто призыв к вере в христианина. Итак, подведем итог: еще раз отметим, что есть и другие личности, о которых мы, без сомнения, могли бы говорить, но я попытался просто выделить некоторые из наиболее важных факторов, влияющих на герменевтику и интерпретацию.

Итак, подведем итог нашему обзору исторических корней и исторического влияния на интерпретацию к этому моменту, снова вернемся к Фрэнсису Бэкону и его чисто научным индуктивным рассуждениям, обратим внимание на Декарта и его акцент на человеке, автономном мыслителе, человеческом рассуждении и рациональности. как способный знать. Джон Локк подчеркивает, что разум — это чистый лист, воспринимающий чувственные впечатления от внешнего мира. А затем Иммануил Кант, который подчеркивал автономное мыслящее «я» и то, что это категории, и мы воспринимаем все и познаем вещи через сетку и категории, уже существующие в уме.

Что касается Фридриха Шлейермахера, который, реагируя на чистую рациональность, предполагал, что целью герменевтики было раскрытие мысли автора и намерения автора. Хансу-Гуру Гадамеру, который предположил, что интерпретация — это результат слияния горизонтов. Вступаем в диалог с текстом.

Мы приходим со своими предпосылками, своими предрасположенностями, своими убеждениями и предубеждениями и вступаем в диалогические отношения с текстом. А затем перейдем к Рудольфу Бульману, который также подчеркивал важность предпонимания и предположений. Никакое понимание не может произойти отдельно от предварительного понимания, и что целью интерпретации была экзистенциальная встреча с текстом.

Бультманн связан с экзистенциальной герменевтикой. А в Новом Завете, поскольку мы больше не можем покупаться на этот мир ангелов и демонов, сверхъестественного, чудес и воскресений, цель состоит в том, чтобы демифологизировать текст, убрать все это и раскрыть основное смысловое ядро, которое — это призыв к подлинному существованию и экзистенциальной встрече с текстом. Итак, что мы узнаем вкратце? Каков вклад этих людей, а также исторические корни и историческое влияние на герменевтику? Кое-что из этого, очевидно, мы уже упоминали, но просто подведем итоги.

Во-первых, я кратко упомяну пять вещей. Во-первых, одно из наследий этого подхода можно увидеть в герменевтических учебниках или интерпретационных движениях и исследованиях Библии, которые подчеркивают индуктивный подход. Движения, которые подчеркивают правильное применение правильных методов интерпретации, чтобы можно было понять смысл текста, можно было извлечь правильное значение текста.

Более того, существует прямая корреляция между интерпретацией и моим знанием и пониманием смысла текста. Между этим и самим текстом существует прямая корреляция. Итак, человеческий разум, логическое мышление, правильное применение методов, умение подходить к тексту как нейтральный, объективный наблюдатель — одно из наследий этих личностей, которое до сих пор во многом повлияло на нашу герменевтику сегодня и наверняка повлияло на бесчисленное множество, особенно в XIX и XX веках, оказал влияние на бесчисленное количество толкователей библейского текста и бесчисленное количество герменевтических учебников.

Вторым наследием этих людей исторически был акцент на намерении автора, согласно которому цель интерпретации состоит в раскрытии задуманного автором смысла. И даже в той степени, в которой нам говорят, что мы должны

попытаться как можно больше сопереживать автору, поставить себя на место автора, попытаться поставить себя в ситуацию библейского автора, чтобы мы поняли, кем был автор. намереваясь общаться. Это попытка понять автора и то, что и смысл он пытался передать.

Хотя мы вскоре увидим, что большинство дискуссий о намерениях автора отошли от более психологического подхода Шлейермахера, но одним из наследий Шлейермахера по-прежнему является подчеркивание того, что целью интерпретации является обнаружение намерения автора . Третьим влиянием этого исторического обзора некоторых корней и влияний этих людей на герменевтику является акцент на читателе как автономном «я». Это начинается особенно с Канта и даже восходит к Декарту, теперь существует разделение между способностью «я» мыслить, которая повышает способность, и автономным мыслителем, который поднимает вопрос, в какой степени смысл определяется перспективой. что читатель привносит в текст.

Как мы уже говорили, в некотором смысле это предвосхитило современные подходы , ориентированные на читателя, такие как критика реакции читателя, о которой мы поговорим в следующем занятии, где читатель создает смысл. Читатель — это тот, кто воспринимает и даже определяет и создаёт смысл в тексте, а не автор. В-четвертых, с этим связано то, что некоторые из этих подходов оставили нам наследие: никто не подходит к тексту без предубеждений.

В отличие от первых двух пунктов, которые я только что упомянул, особенно первого, который подчеркивал чисто индуктивный подход, который позволяет выступать в роли нейтрального объективного наблюдателя и овладеть текстом. Напротив, некоторые из этих людей подчеркнули, что никто не подходит к тексту как полностью нейтральный или объективный наблюдатель. У

всех нас есть свои предубеждения, предубеждения, происхождение, предрасположенности, предшествующее понимание, собственные убеждения и опыт, которые влияют на то, как мы читаем текст.

Но есть также предположение, что это не обязательно плохо или не должно быть так. На самом деле, в какой-то степени это необходимо. Как можно понять что-либо, не имея предварительного понимания? Если у вас пустой ум, чистый лист, как вы вообще можете надеяться что-либо понять? Таким образом, существует признание того, что никто не подходит к тексту без предубеждений, предубеждений, предубеждений и предшествующих влияний.

Но все это влияет на то, как мы читаем текст. Это действительно поднимает вопрос о том, неизбежно ли мы исказим текст, или это означает, что правильного значения нет или что никто никогда не сможет надеяться прийти к правильному значению текста. Мы разберемся с этими вопросами позже.

Но, по крайней мере, мы теперь осознали тот факт, что никто не является полностью объективным нейтральным наблюдателем, но все мы привносим в текст свой так называемый багаж, который влияет на то, как мы его читаем. И, наконец, пятый результат этого подхода – признание того, что интерпретация в некоторой степени представляет собой диалог. Даже многие евангельские толкователи, которых вы встретите, будут говорить об интерпретационной спирали или герменевтической спирали, где мы вступаем в диалог с текстом.

Мы подходим к тексту с нашими вопросами и предположениями, позволяя тексту бросить им вызов. И затем мы продолжаем приближаться к тексту, подвергать его сомнению и позволять ему бросать вызов. Вы даже встретите некоторых евангельских переводчиков, хотя они могут использовать это совсем по-другому, но используя идею Гадамера о слиянии горизонтов.

Но, по крайней мере, интерпретация — это не столько разовое мероприятие, во время которого мы овладеваем текстом и просто извлекаем его значение, сколько временами, возможно, постоянный диалог, в котором мы продолжаем открывать для себя что-то новое о тексте. Что я хочу сделать сейчас, так это переключить передачу и начать обсуждать методы интерпретации или герменевтические подходы к тексту в форме различных методов, а также различной критики в качестве их ярлыков. И позвольте мне начать с небольшого примечания.

Когда мы говорим о критике, а на протяжении оставшейся части курса мы будем говорить о различных видах критики, мы уже познакомили вас с одной критикой, известной как текстовая критика, но мы познакомим вас с некоторыми другими критическими замечаниями, такими как жанровая критика или редактирование. критика, критика формы, историческая критика, которых мы начнем касаться прямо сейчас в конце этого занятия. Но мы познакомим вас с несколькими различными критическими замечаниями. Важно остановиться и отметить, что мы подразумеваем под критикой.

Когда мы говорим о критике, мы не обязательно используем этот термин в негативном смысле с точки зрения критики или осуждения текста или богословских убеждений. Вместо этого мы используем критику в более позитивном смысле, обеспечивая веское обоснование и обоснование позиции, которую мы придерживаемся. То есть многие из этих методов действительно возникли в контексте довольно негативных критических суждений и негативных предположений.

Но в то же время, когда они отделены от этих суждений, негативных предположений и предрасположенностей, многие из этих критических

методологий действительно все еще ценны. Итак, снова, когда мы используем слово «критика», мы говорим в первую очередь об обосновании наших убеждений, объяснении причин, по которым мы интерпретируем текст так, как он есть, обосновании причин, почему мы думаем, что текст означает это, а не это. Так что противоположностью критики является не благочестие, а противоположностью критики в этом смысле является легковёрность или наивность, не дающая причин, почему человек верит так, как он думает.

Итак, небольшое примечание о том, как мы используем критику. Не удивляйтесь этому и не отключайтесь от этого, но признайте, что критика — это хорошо, просто имея в виду обоснование анализа того, почему мы интерпретируем текст и читаем его так, как мы это делаем. Итак, сказав это, давайте начнем с рассмотрения исторических и автороцентрированных подходов к герменевтике или библейской интерпретации.

Другой способ взглянуть на это таков: давайте посмотрим на подходы, которые в первую очередь лежат в основе текста. То есть мы уже предположили, что интерпретация фокусируется на трех аспектах производства текста. То есть за текстом стоит автор и обстоятельства, окружающие автора.

Второе — это сам текст, то есть интерпретация находится внутри текста. И третий — фокусироваться на читателе как на человеке, получающем текст или смотрящем перед текстом. Таковы основные фокусы интерпретации.

И снова, как исторически, так и логически, герменевтика, похоже, прошла через эти три. Итак, мы начнем с первого, то есть с авторского и историко-ориентированного подхода к библейской интерпретации, который, в целом, в первую очередь стремится выйти за рамки текста. То есть задавать вопросы об авторе, прежде всего о намерении автора, задавать вопросы об исторических

обстоятельствах, создающих текст, задавать вопросы об исторических авторах, извините, исторических читателях, и их обстоятельствах, а также о том, как автор был пытаться решить эту проблему, создав этот текст.

Таким образом, исторические подходы фокусируются на тексте. Во многих отношениях они смотрят на силы, исторически создающие текст. Итак, сначала я хотел начать обсуждать то, что известно как исторический критический метод или историко-критические подходы к интерпретации, которые, опять же, будут включать и часто в значительной степени фокусироваться на намерениях автора.

В каком-то смысле исторический критический подход к Новому или Ветхому Завету ничем не отличается от того, что часто происходит при интерпретации в герменевтике. То есть часто это не что иное, как изучение предыстории библейской книги, изучение того, кто является автором, изучение ситуации, изучение того, кем были читатели, дата создания книги, местонахождение и виды вещей, которые можно найти в книге. введение к большинству комментариев или к более ранним обзорам и введениям Нового Завета. Подобные книги посвящены именно таким вопросам.

Опять же дата, авторство и т. д. Так что если я имею дело, пытаюсь понять, или хочу истолковать и попытаться понять книгу Иеремии, я задаю вопросы о том, кто был автор и каковы были его обстоятельства. Я задаю вопросы о тех временах и ситуациях, политических и религиозных, которые произошли и создали среду для написания книги Иеремии.

Я задаю вопросы о дате создания книги, когда она была написана, о положении читателей и т. д. и т. п. Все это для того, чтобы восстановить то, что, скорее

всего, было фоном и ситуацией, которая в первую очередь породила книгу. Он берет книгу и просто помещает ее в более широкий исторический контекст.

И опять же, мы занимаемся этим уже долгое время, и большинство комментариев, похоже, являются жанром комментариев, которые начинаются с такого рода вопросов, чтобы поместить библейские книги в их окружение. Или, опять же, обзоры Ветхого и Нового Завета, в которых подробно рассматриваются подобные проблемы. Однако исторический критический метод представляет собой нечто большее, чем просто краткое изложение традиционных подходов к интерпретации библейских книг, которые вы можете найти в комментариях, введениях Нового и Ветхого Завета, обзорах и тому подобном. В некотором смысле, эпоха Просвещения с ее упором на человеческое мышление и рациональным мышлением.

И подход к исторической интерпретации Библии, который несет в себе ряд предположений и идей. Часто, иногда раньше (я не буду использовать этот язык), в более ранних трактовках исторического критического метода его часто называли высшей критикой. Сейчас очень редко встретишь такую терминологию.

Но если вы это сделаете, если вы наткнетесь на более старую работу, и они говорят о более высокой критике, они обычно говорят об исторической критической методологии и задают некоторые из этих типов вопросов, предысторию, историю, авторство и т. д. и т. п. Но опять же Исторически - критический метод в его развитии рассматривался как исторически ориентированный подход к интерпретации Библии, который нес в себе ряд предположений и убеждений применительно к библейскому тексту. И мы рассмотрим некоторые из них.

Однако исторический критический метод рассматривался как результат некоторых из более ранних, более догматических подходов к интерпретации библейского текста, более догматического богословского прочтения библейских текстов, которое просто укрепляло и подтверждало богословские традиции и убеждения. И теперь вместо этого историко-критический подход предлагает интерпретатору рассматривать книги Ветхого и Нового Завета как продукты самих исторических процессов. Таким образом, историческая критика затем развилась как способ интерпретации библейского текста Ветхого и Нового Завета.

Что же тогда значит, когда говорят, что Библия исторична? Действительно ли Иисус воскрес из мертвых? Действительно ли это сделала группа израильтян? И насколько это исторично? Действительно ли группа израильтян пересекла море, которое разделилось, чтобы пройти по суше? Насколько это исторично? Таким образом, в одном отношении библейский текст изучается так же, как и любой другой документ. Итак, несколько принципов, и сейчас я хочу обсудить несколько принципов, которыми руководствовалось историческое исследование текстов Ветхого и Нового Заветов. Какие предположения и принципы определяли исторический критический подход к Ветхому и Новому Заветам? Прежде всего, и во многом это будет звучать так, как говорили некоторые мыслители, которых мы только что рассмотрели ранее, первым предположением или принципом, которым руководствовался исторический критический подход, был приоритет человеческого разума и приоритет здравого смысла.

Историческое исследование библейского текста развивалось и осуществлялось в соответствии с человеческим разумом. То есть человеческое мышление и здравый смысл были способны объяснить, понять и интерпретировать библейские тексты в их историческом контексте. Так, например, когда кто-то

приближается к такому тексту, как глава 1 Матфея, где Иисус рассматривается как его рождение, продукт непорочного зачатия и рождения, человеческие рассуждения и мышление говорят мне, что такого рода вещей не происходит.

Девственницы не зачинают и не рожают детей. Итак, человеческая логика, человеческое рассуждение значительны и важны и имеют приоритет в исторических критических подходах к библейскому тексту. Второй принцип, который также очень похож на некоторые мыслители, которых мы рассмотрели в предыдущем разделе, и во многом обязан им, — это принцип причины и следствия.

Это одна из основных предпосылок исторического, оригинального историко-критического подхода к Ветхому Новому Завету. Все происходит в замкнутом континууме причин и следствий. То есть мир и история действуют согласно естественной системе, механистической системе причин и следствий.

Каждое событие рассматривается в контексте того, что произошло до него, и в контексте его отношения ко всем этим другим событиям. То есть каждое событие должно иметь естественное объяснение. И это означает, что, очевидно, не может быть никаких сверхъестественных прерываний в ходе событий.

В эти события не может быть вмешательства постороннего существа, бога. Но вместо этого все события должны иметь естественное объяснение. События не просто происходят, они имеют объяснение, причинно-следственную связь.

У них есть историческая причина, породившая эти события. Итак, повторяюсь, Красное море не просто разделяется, чтобы целая нация могла пересечь его. Вода не просто так превращается в вино.

Люди не просто встают из мертвых. Больные люди не исцеляются одним словом или прикосновением. Итак, согласно этому методу, нужно найти другие объяснения такого рода вещам.

Один из методов подхода к этому, хотя существуют и другие, один метод был известен как религиозно-исторический подход, при котором, по сути, Ветхий Новый Завет просто читался как вариации или версии других религиозных верований и подобных религиозных явлений в древнем мире. Итак, прежде всего, приоритет человеческого рассуждения и мышления. Второй первичной предпосылкой была причина и следствие.

Каждое событие имело историческую причину. Все происходило в замкнутом континууме причин и следствий, поэтому чудеса приходилось объяснять по-другому. Не может быть никакого сверхъестественного вмешательства в дела истории.

Последним был принцип или допущение аналогии. Это было историческое познание, идущее от известного к неизвестному. Или, другими словами, история просто повторяется.

Это постоянно. Когда я изучаю историческое событие, я предполагаю, что события, произошедшие в прошлом, должны иметь аналогию с событиями, происходящими в настоящем. Следовательно, только события, которые аналогичны моему собственному опыту, предположительно, в мою технологическую научную эпоху, события, только события, которые аналогичны моему нынешнему опыту, являются истинными.

Итак, еще раз, когда я изучаю отчет об исторических событиях, только те, которые имеют аналогию с моим нынешним опытом, могут считаться

истинными. Для большинства это не исключает полностью некоторые уникальные события. Например, если использовать пример из истории Соединенных Штатов, битву при Геттисберге, одно из самых известных сражений, произошедших в Геттисберге, штат Пенсильвания, одно из самых известных сражений Гражданской войны.

Это был всего лишь один бой. Это не повторялось и не сражалось снова и снова. Но в то же время мы знаем и о других известных битвах в истории, и сегодня мы испытываем войны и сражения.

Чтобы мы могли знать, что битва при Геттисберге, штат Пенсильвания, произошедшая в середине 1800-х годов, может быть принята как истинная, потому что у нас есть аналогии с ней сегодня. Но сегодня мы не видим таких вещей, как воскресение людей из мертвых, и мы не видим, как моря разделяются, чтобы целые народы могли пересечь их. Таким образом, принцип аналогии является важным предположением или принципом применения исторического критического подхода.

Трудность в том, что это все еще вызывает вопросы об уникальных событиях. Большая часть исторического критического подхода не допускала уникальных, беспрецедентных событий. Как предположил один переводчик, тот, кто живет в среде, где нет снега и льда, будет иметь право сомневаться и отрицать существование таких вещей, как айсберги, потому что нет точной аналогии.

Так что историко-критический метод не позволял, не было места уникальным событиям, не имеющим параллели или аналогии ни с какими другими. Когда мы возобновим обсуждение исторической критики на следующем занятии, мы еще немного рассмотрим метод исторической критики, а затем зададимся вопросом, как его можно использовать и использовать при толковании

Священных Писаний, интерпретируя Ветхий Новый Завет как слово Бога своему народу сегодня.